

КОРОЛЕВСТВО
*запретных
книг*

ФРЭНСИС
ХАРДИНГ

Фрэнсис Хардинг
Королевство запретных книг
Серия «Романы Фрэнсис Хардинг»
Серия «Хроники Расколотого
королевства», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37391394

Ф. Хардинг. Fly by Night. Хроники Расколотого королевства: ООО

«Клевер-Медиа-Групп»; Москва; 2016

ISBN 978-5-00211-484-9

Аннотация

Двенадцатилетняя Мошка Май после смерти отца-ученого влачит жалкое существование у своих дальних родственников. Загоревшаяся мельница становится для девочки отличным поводом сбежать и пуститься в приключения с новыми друзьями.

Ее странными спутниками становятся поэт и жулик Эпонимий Клент и зловредный гусак Сарацин. Эта пестрая троица и не подозревает, что окажется в паутине интриг и предательств, в мире безграмотности и междоусобиц, где книги считаются злом, а закон карает за печатное слово!

Но главное – что их основными врагами окажутся внутренние демоны: трусость, эгоизм и равнодушие.

Ранее книга выходила под названием «Fly by night. Хроники расколотого королевства».

Содержание

Расколотое королевство	6
Вступление. История домовой мухи	9
«А» значит «авантюра»	17
«Б» значит «бандитизм»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Фрэнсис Хардинг

Королевство

запретных книг

Frances Hardinge

Fly by Night

© Frances Hardinge 2005

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2016

* * *

Расколотое королевство

ПАРЛАМЕНТ

Формирует Комитет влиятельных особ, которые решают, кто достоин носить корону. Но за десятилетия так и не смог избрать короля, и в государстве начался раскол. Столица, как и прежде, подчиняется указам Парламента, но другие области все чаще передают власть местным правителям.

ГИЛЬДИИ

Когда королевство пошатнулось без сильной королевской руки, ремесленные гильдии взяли большую власть. Отношения друг с другом у них непростые, но ревностно оберегаемый союз стал залогом относительного порядка в королевстве.

КЛЮЧНИКИ – гильдия изготовителей ключей и замков, располагается в Манделионе, старший мастер Ара-май Тетеревятник. Нет замка, который не смог бы открыть умелый Ключник. Очень влиятельная гильдия.

КНИЖНИКИ – гильдия печатников и переплетчиков, располагается в Манделионе, старший мастер Мэбвик Ток. Мастера печатного слова и владельцы всех печатных станков. Если на книге нет печати Книжников, она объявляется

ересью и подлежит сожжению.

РЕЧНИКИ – гильдия лодочников, патрулирует реки и досматривает водный транспорт.

ГЕРЦОГ МАНДЕЛИОНА, ВОКАДО АВУРЛЕЙС – номинальный правитель Манделиона, сторонник возвращения на трон королев-близняшек. Леди Тамаринд – его сестра.

ПТИЦЕЛОВЫ

Некогда они были хранителями всех священных текстов, пока не обнаружили Белое сердце Явления... После этого наступили Трудные времена. Теперь же все Птицеловы истреблены, а их книги сожжены Книжниками.

ПОЧТЕННЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ

От Господина Мухобойщика, что отгоняет мух от варенья и масла, до Госпожи Гранулы, охранительницы домашнего скота, – не счесть малых богов, которым жители королевства приносят дань ягодами и хлебом. Каждому Почтенному посвящены свои дни и часы. Младенцы получают имена в честь покровителя, в час которого родились, а поклоняются люди тому Господину или Госпоже, кто больше всех нравится.

Примечание автора

Это не исторический роман. Это художественный вымысел, хотя в основе и лежат некоторые события и идеи английской эпохи Реформации начала XVIII века. Однако с историческими фактами, а иногда и с законами физики я обращалась очень вольно.

Вступление. История домово́й мухи

– Но имя – это важно! – воскликнула горничная.

– Конечно, – сказал Квиллам Май. – Но точность важнее.

– Жалкие полчаса! Никто не узнает, что она родилась после заката. Только представьте, родиться в день почтенного Бонифация. Дитя Солнца! Назвали бы ее Авророй, Солиной или, скажем, Лучильдой. Сколько прекрасных имен подходит дочери Солнца!

– Ваша правда, но нельзя. После заката день переходит к господину Мухобойщику, что отводит мух от варенья и масла. – Квиллам Май поднял голову, встретился взглядом с горничной и добавил спокойно: – Мое дитя – ночная мушка.

Горничную звали Сельдерина Завирушка. Она родилась в день госпожи Хрустихи, что бережет свежие овощи. Сельдерина имела все основания относиться к именам серьезно. Ее влажные и блеклые глаза напоминали виноградины, с которых сняли кожицу. В данный момент – упрямые, решительные виноградины.

Квиллам Май отличался весьма щепетильным умом. Мысли его всегда лежали ровно, как перышки в птичьем крыле, и если случайная веточка нарушала их стройный ряд, ему становилось не по себе. Глаза у Квиллама были темные и мутные, словно дымчатое стекло.

Виноградины взглянули в дымчатое стекло и увидели там

нечто недоступное их пониманию.

– Назову Мошкой, и точка, – сказал Май.

Мошка – простенькое, чуть старомодное имя для рожденных в мушиный день, но всяко лучше, чем Жужелица или Веснянка. Выбрав дочери имя, Май вернулся к монографии. Он писал историю тех времен, когда довелось жить ему самому, а теперь и его дочери. На обложке красовалось название «Расколотое королевство: полный и ясный отчет о нашей лоскутной стране».

Едва за Сельдериной закрылась дверь, атмосфера в комнате стала спокойнее. Май снова остался один. Впрочем, не совсем.

Со стены за ним наблюдали глаза. Пока синие, но в одном уже мелькают темные крапинки, намекающие, что со временем их цвет станет черным, как у Мая.

Горничная запеленала младенца так туго, что тот превратился в эдакий желудь в скорлупке. Как известно, пеленание – лучшее средство от вертлявости. Неподвижный кокон с любопытной головкой горничная привязала к дощечке, чтобы выработать у малышки хорошую осанку. Дощечку подвесила на крюк в стене, для удобства.

Порой, входя в комнату, Май, при всей своей наблюдательности, принимал младенца за барельеф. Только этот барельеф пристально следил за каждым его движением. Теперь по крайней мере у него было имя, а имя – вещь важная.

Вернее, у *нее* было имя.

Внезапно Май пожалел, что глаза у дочери не будут зелеными, как у покойной матери. Но эту мысль он пресек в зародыше, а то начнется самобичевание, что он все время изучал по книгам судьбы мира, когда надо было чаще смотреть в зеленые глаза жены.

Но что его ждет теперь, когда зрение слабеет с каждым годом? Раньше Май был уверен, что в старости помогать ему с бумагами будет милая Жасмин.

Ох уж эти распахнутые глаза с черными крапинками, наблюдающие за ним со стены! Как жаль, что это девочка, Май так хотел сына, чтобы передать ему знания.

– Что ж, буду учить тебя. А умри ты вместе с матерью, пришлось бы научить читать кошку.

Мая беспокоила мысль, что дочь, научись она читать, обречена быть изгоем, но выхода он не видел.

Девочка следила, как он склонился над рукописью и взял перо. Его работа проходила в абсолютном уединении и тишине, словно в задраенной каюте корабля, идущего через бурное море. Еще в те годы, когда Май жил в Манделионе, он мечтал о такой тишине, без уличного шума, непрерывного стука копыт, воплей коробейников. Теперь отшельничество в глухой провинции Чог угнетало его нерушимым покоем и бесконечной капелью за окном.

Май снова отложил перо. Он совершенно не представлял, как разговаривать с младенцем, да и не знал ни одной детской сказки. Однако иной раз душа просила и даже требова-

ла с кем-нибудь поговорить.

– Ну ладно, чтобы из тебя вышел толк, надо заняться твоим образованием, пока праздность не пустила корни в юной душе.

Май затянулся трубкой, пробуя найти вдохновение, и с глубокомысленным видом положил ладонь на рукопись. В своей монографии он переосмысливал события в королевстве за последние тридцать лет. Не лучшая сказка на ночь.

Но если подобрать удачную манеру...

– Начнем-ка мы, пожалуй, с истории. Во времена, о которых помнят разве что глубокие старики, жил-был один король. Занимался он тем, что разбивал прекрасные сады и размышлял о небесных светилах. Был он слишком благодушным и неумелым правителем, так что в конце концов ему отрубили голову, а корону переплавили на монеты. Управлять страной стал Парламент. Кто верил, что на троне должен сидеть король, те отправились в изгнание, ушли за холмы, иные даже подались за границу. Председатель Парламента оказался не сильно лучше короля. Только королем его не называли, ведь имя – это важно.

Новорожденная Мошка никак не реагировала.

– У казненного короля был сын, его спасли и спрятали за границей верные подданные. Мальчик много путешествовал и со временем стал настоящим юным принцем. Он беседовал с другими королями, те, бывало, обещали помочь ему вернуть королевство. Он усвоил придворный этикет и узнал,

кто из принцесс достоин стать его королевой. Однажды он был в гостях в далеком государстве, в стране горячих песков, и там случилось несчастье: верблюд откусил ему нос. Принц слег с лихорадкой и на другой день внезапно умер. Те, кто по-прежнему хотел видеть на троне короля или хотя бы королеву, стали спорить. Одни считали, что править должна старшая дочь короля, другие поддерживали его сестру, третьи предлагали отдать престол племяннику. Так прошло двадцать лет. Парламент постепенно распался. Парламентарии с головой ушли в свои дразги и проморгали нового, очень умного врага.

Май на секунду умолк. Как любой очевидец этого кошмара, он не мог говорить о нем спокойно. Воспоминания ерошили затылок, как дыхание тигра за спиной.

– Трудные времена настали в королевстве. Десять лет...

Май запнулся и взглянул на свою новорожденную дочь. Ее глаза по-прежнему светились синевой. И вдруг его охватил страх, что, начни он рассказывать про облавы, пытки, крики из казематов и прочие ужасы, ее глаза тут же нальются чернотой, как у него.

– Знаешь... Подрасти-ка сперва, и тогда я расскажу тебе о Годах Птицеловов. Потом Птицеловы были повержены, Трудные времена миновали. Роялисты и парламентарии продолжили борьбу за власть. Сторонники каждого претендента на трон собрали армию, чтобы возложить корону на своего избранника. Парламент испугался и тоже собрал армию. И

вот однажды случилось удивительное. На чай к председателям Парламента заглянули серьезные люди в чистых, но поношенных робах. Они озадачили парламентариев заявлением, что не собираются сражаться. Это были старшие мастера ремесленных гильдий – Часовщиков, Ключников, Печатников и прочих.

Сказав о Печатниках, Май ощутил горечь, но продолжил: «Если вы развяжете войну, – сказали старшие мастера, – сразу окажется, что солдатам не хватает башмаков и курток, кремь кончился, а мушкеты никуда не годятся».

«Не страшно, – ответили парламентарии. – Наши солдаты верят в победу, они будут сражаться в домашней одежде, а если не из чего станет стрелять, возьмут в руки сабли и камни».

«Пусть так, – сказали старшие мастера, – но учтите, у вас на завтрак не будет ни варенья к чаю, ни самого чаю, и портные исчезнут, и некому будет заштопать вам сюртуки».

Эти слова привели парламентариев в ужас, они сказали, что должны как следует всё обдумать. А тем временем роялисты всюю предвкушали, как войдут победным маршем в столицу. Но и к ним заглянули серьезные люди в потертых, но опрятных робах. Они говорили, не повышая голос, но каждое слово сочилось уверенностью. Вновь прозвучало, что войны не будет.

«Объявите перемирие с Парламентом, – сказали старшие мастера, – или ваши соратники не получат муки, чтобы ис-

печь хлеб, и шифера, чтобы покрыть крышу».

«Наше дело правое, – ответил предводитель роялистов, – так что учтите, наши люди, коли на то пошло, будут держать оборону голодными и холодными, и в снег и в зной».

«Пусть так, – сказали старшие мастера, – но некому будет уложить прически вашим женам, а ваши лошади будут стоять нечесанные».

И предводители роялистов задрожали от страха и сказали, что им нужно обдумать всё как следует и что ответ они дадут завтра. А на следующий день парламентарии сказали, что монархия – не худшая форма правления, и учредили в столице Комитет влиятельных особ. Предводители роялистов один за другим вступали в Парламент и там уже спорили, кто же достоин надеть корону и вернуть народу былое процветание.

Выдержав паузу, Квиллам Май сказал:

– Так было семь лет назад. И комитет до сих пор заседает, а королевство ждет решения. Рассказать, что произошло за эти годы? Сейчас покажу, на что похожа наша страна. Вот... – Он взял тарелку, на которой лежало большое круглое печенье. – Смотри сюда.

Мошка тут же уставилась на печенье. Наверное, представляла, что земля под ногами хрустит и с кусочками миндаля.

– Вот такое оно, наше королевство, – сказал Май, нажав кулаком на печенье, и оно пошло трещинами. – Видишь? На вид почти целое, но коли растрескалось, то уже не себе-

решь воедино. Каждая область подчиняется местным правителям и правительницам. Скажем, здесь. – С этими словами он ткнул в подрумяненный кусочек. – Это столица всего королевства. А это, – палец указал на кусочек с большим орехом, – Галдспар. Вот Манделион, а тут у нас графство Амблвеч. Вроде всё на месте, но прежнего печенья больше нет.

В голове проснулась знакомая боль, и Май подождал, пока она утихнет. Перед глазами плясали белые точки, будто гигантская невидимая кошка пронзала когтями ткань мироздания. Май вздохнул, смахнул со стола крошки и вернулся к работе. Обмакнул перо в чернила, потом поднял взгляд на дочь, словно та задала вопрос.

– Знаешь, – сказал он, – если собираешься помогать мне, привыкай к незаконченным историям. Настоящая жизнь не знает, что такое финал.

Квиллам Май так и не закончил свой великий труд за те восемь лет, что были отпущены ему судьбой. А когда он умер, его книги отправились в костер. С той ночи, когда он дал дочке имя, прошло двенадцать лет. Сейчас та пряталась в голубятне, держа под мышкой гуся.

«А» значит «авантюра»

В народе говорили, что запалить дрова в Чоге способен разве что небесный огонь. Проезжие шутили, что местные жители, отчаявшись растопить очаг, готовят обед на болотных гнилушках.

Самый верный способ попасть в Чог – двигаться, ориентируясь на запах сырости, прочь от всякого маломальски пригодного для жизни обиталища. Все дома в Чоге, от подвала до крыши, покрывала плесень. Деревья гнили изнутри. Овощи гнили снаружи.

Вода сочилась отовсюду. Она потоками текла с крутого холма, торчащего над городком. Журчащие ручьи бежали по склонам, заросшим соснами, по дороге размывали меловые залежи, и вода белела, как молоко. Улицы Чога переплетались хитрей, чем норы в муравейнике. Дома были разбросаны самым причудливым образом.

Днем жители Чога вели безнадежную борьбу с сыростью. А по ночам им снились влажные, удушливые сны. Но однажды их мирный сон был нарушен, хотя природная, впитанная с дождем привычка к покою быстро стерла яркие впечатления, как гусь поправляет выбившееся перо.

Той ночью в Чоге нашлась душа, что пылала черным пламенем протеста. В полночь, когда жители мирно спали, обладательница пылающей души пряталась в голубятне маги-

страта.

Высокая, просторная голубятня из-за конической крыши напоминала башню замка. Сейчас она пустовала – вернее, там не было голубей, зато были двенадцатилетняя девочка и громадный гусь по кличке Сарацин.

Мошка, распахнув глаза, пристально всматривалась в темноту и ловила каждый шорох. До ушей долетали приближающиеся голоса, а глаза упорно цеплялись за грушевидный силуэт единственного голубя, сидевшего наверху в арке. Мошка балансировала на шатких жердях, прижимая к боку беспокойного гуся, и выбранное укрытие уже не казалось ей удачным.

Всякий раз, когда голубь перелетал от окна к окну, Сарацин шипел. Стоит людям снаружи услышать этот звук, и Мошку тут же найдут. У девочки были веские причины не возвращаться домой, к дяде Западу и тете Брионии. Если ее поймают в эту мрачную ночь, то всыпят так, что мало не покажется.

– Премного благодарны, сэр. Не извести вы нас, этот плут уже с месяц наживался бы на наших доверчивых кумушках, – произнес судья.

Мошка замерла.

– Я оказался у вас не совсем случайно, – ответил молодой голос, спокойный и приятный, словно теплое молоко. – Когда я менял лошадей в Свате, при мне упомянули, что некий Эпонимий Клент останавливался здесь не далее как на про-

шлой неделе. Я знаю этого человека как прожженного злодея и мошенника, так что решил сделать невеликий крюк и заглянуть к вам в городок.

– Надеюсь, вы у нас хоть немного задержитесь? Заночуете у нас, чтобы я выразил нашу благодарность тарелкой мясного супа, говядиной и бренди? – Щелкнула табакерка. – Сделайте одолжение.

– На учтивую просьбу не смею ответить отказом.

Неожиданно голубь заметил рядом крупный силуэт, осторожно скользящий по жердям в темноте. Силуэт протяжно шипел, словно коньки на льду.

Мошка махнула ногой, заставив голубя взлететь.

– Что-то не так?

– Нет, показалось...

Мошка затаила дыхание.

– Вроде пахнет дымом.

– Ах, табак такой, в нем чувствуются нотки серы.

– Что ж, – произнес молодой человек, занюхнул табак, потом еще раз и продолжил более спокойным тоном: – Значит, вы денек-другой подержите мистера Клента в кандалах, а потом отправите в Пинкастер, где его примерно накажут?

– Придется. В Чоге есть магистрат, но нет виселицы...

Голоса начали затихать, а когда стукнула закрывшаяся дверь, смолкли совсем. Вскоре оранжевый отсвет свечи в окне задрожал и потух.

На крыше голубятни приоткрылся люк, в проеме показа-

лись две пары глаз: два уголька обрамляли оранжевый клюв, а черные глаза со смоляным блеском сверкали на человеческом лице.

Из-за глаз Мошке постоянно доставалось. Людям ее взгляд казался ядовитым, даже если она держала острый язык за зубами. Вдобавок эти глаза обладали страшной силой, с которой во всем Чоге мог потягаться разве что магистрат: они умели читать.

Все знали, что в книгах таится опасность. Прочти не ту книгу, и слова заползут тебе в мозг, цепляясь тонкими чернильными лапками, и сведут тебя с ума. Не помогало и то, что она была дочерью Квиллама Мая. Этот человек пришел из Манделиона, то ли добровольно, то ли в ссылку, и принес с собой непривычные, тревожные мысли и дюжину книг в темных переплетах. Мошку считали практически местной ведьмой.

Но эти же глаза после смерти отца помогли ей получить крышу над головой. Дядя, старший брат покойной матери, охотно взял к себе грамотную девочку, чтобы та разбиралась в счетах и письмах. Он использовал племянницу, но не доверял ей и каждую ночь запирал со счетной книгой на мельнице – от греха подальше.

В тот вечер он, как обычно, закрыл дверь на ключ, не ведая, что делает это в последний раз. Сейчас он храпел, как баян, и видел во сне мешки отборного зерна. Невдомек ему было, что племянница составила коварный план и ушла из

дома.

В носу у Мошки защекотало, она едва не чихнула. Запах дыма становился сильнее. Время на исходе.

Неделю назад в Чог прибыл чужестранец, эдакий городской фронт по имени Эпонимий Клент, и совершенно всех очаровал. Но лишиться доверия оказалось еще проще, чем получить его. Прошел слухок, что в Кленге опознали известного проходимца и афериста. Вечер он встречал в кандалах в подвале магистрата. Все от него отвернулись.

Почти все. С тех пор как книги отца сожгли, Мошка почувствовала голод к новым выражениям. Ей приелись повседневные слова, пресные, безвкусные, как сырая картошка. А речь Кленга звучала сочно и богато, словно пропитанная ароматом изысканных специй. Каждую фразу он произносил с улыбкой, как бы смакуя сказанное. И тем заслужил расположение странной, не по годам смышленной девочки. Та решила спасти его из заточения.

Здание магистрата стояло на осушенной земле, две искусственные протоки огибали его по бокам. Со временем вода размыва дамбу позади здания и однажды ночью устремилась буйным потоком по склонам холма, расшвыривая булыжники, словно игральные кости. Утром стены магистрата оказались перемазаны илом вперемешку с каменным крошевом, а пришедшие на службу чиновники с изумлением увидели, как потоки воды, поблескивая в лучах весеннего солнца, переливаются через крышу.

Чтобы защитить огород магистрата от диких уток, местный плотник соорудил колодезный журавль, который качался на центральной рейке, вычерпывая воду ведром. Журавль стоял на платформе с четырьмя колесами, чтобы удобнее было возить его по саду.

Подкатив журавль к одному из окон магистрата, Мошка забралась на карниз, подняла раму ножом и увидела церемониальные ключи, развешанные на темной стене зала. Мошка постелила в ведро платок и просунула жердь с ведром в окно. Земля под колесами была неровной, жердь опасно раскачивалась, а ведро норовило задеть то оловянную тарелку на стене, то железную грелку с углями. Мошка обеими руками водила жердью, пытаясь подцепить связку ключей. Наконец ключи упали в ведро, расстеленный платок заглушил их лязг. Подтянув ведро к окну, Мошка схватила ключи и стала лихорадочно перебирать их – ключ от сундука с серебром, ключ от сундука с церковной десятиной, а вот и ключ от тюремной камеры.

Мошка сняла ботинки и повесила на шею, затем подобрала юбку и приколола булавкой к поясу. Как многие девушки в Чоге, под юбкой она носила штаны до колен, чтобы проще было переходить ручьи вброд. Мошка перехватила Сарацина поудобней. Гусь воспринял это стоически. Их связывала своеобразная дружба, точнее, душевное родство двух изгоев. Мошка верила, что у Сарацина есть свои причины гоняться за терьерами и постоянно лезть на крышу солодовни. Са-

рацин, в свою очередь, соглашался, что у Мошки есть веские причины хватать его под мышку и тащить среди ночи невесть куда.

Крыши домов белели в лунном свете, словно припорошенные инеем. Млечная вода Чога оставляла белые разводы на берегах. Растения покрывались меловой коркой, листья облетали, словно камешки-голыши. Если в воде оставить носок, он окаменеет, будто сполз с ноги статуи, когда та купалась.

Непослушных детей в Чоге пугали, мол, кто будет баловаться, того подвешат вниз головой под водопадом, и за ночь он превратится в горгулью с распахнутым в вечном крике ртом.

В Чоге нет такого места, где не слышно текущей воды. У воды есть множество голосов. Чистая проточная вода звучит так, словно кто-то играет стеклянными бусами. Голос водопада, брызгами сбивающего листья с деревьев, похож на хлопки в ладоши. А из темных оврагов доносится журчание ручьев, точь-в-точь бормотание гоблинов.

Мошка услышала это бормотание, спускаясь по скользкой крыше дома Твенса Поттера, и неожиданно подумала, что если повезет – это в последний раз. От таких мыслей ей взгрустнулось, но времени на колебания не было.

Дальше по склону стоял дом вдовы Уаггинсоу. Мошка плохо рассчитала прыжок и тяжело приземлилась на выпуклую крышу, поскользнувшись и упав на колени.

Сонный дрожащий голос недоуменно осведомился, что там творится наверху, и в окне вспыхнул огонек. Отсветы заиграли в щелях крыши. Человек со свечой медленно шел к двери.

Мошка прижалась к холодному влажному камню и протяжно завывала, изображая кошачью свадьбу. Вой начался глубоко в горле, взмыл вверх, словно расстроенная скрипка, и опустился до самого чрева. Она завывала снова и, к несказанному облегчению, услышала ответный вой снизу.

Вдова держала кошек. Тощие, грязные создания, похожие на лесных куниц, мяукали по поводу и без. Нередко сама вдова выла и шипела по-кошачьи, и никто не решался выразить неудовольствие, поскольку она была богатейшей жительницей Чога. В тот день вдова, услышав об аресте Клента, навывалась вдоволь и изрядно утомилась. Вскоре свеча погасла, и снова стало тихо.

Мошка спустилась по мельничному колесу, прокралась по крыше дома Чайда, а затем пролезла сквозь забор, отделявший Нижний Чог от окраинных болот, – в каменное дно вбили железные прутья, чтобы детей и кур, упавших в воду, не уносило далеко течением. На камнях, выбеленных мелом, темнели разводы ржавчины. Зловещая картина хорошо отпугивала бродячих собак и браконьеров.

Протиснувшись между прутьев, Мошка стерла ржавчину со щеки. Она ощутила внезапный страх – родившись в горле, груди и ладонях, он растекся по всему телу. Тот же забор

охранял от Брехуна и Лихого.

Брехун – громадный черный пес с длинной шерстью и вислой мордой: когда он лает, брыли мотаются из стороны в сторону. Лихой – поджарый, как волк, и прыгает не хуже своего дикого собрата. Такой вполне догонит оленя.

Оба пса принадлежали магистрату, считались общественным достоянием и по ночам охраняли Нижний Чог от незваных путников. Мошка не раз видела их при свете дня, но сейчас внутри всё переворачивалось от мысли, что в любой миг здоровенная тварь может выпрыгнуть из темноты.

Что это было? Ветер шевелит ветви куста, или там притаился зверь? Кажется, и впрямь видна длинная хищная морда, блестящие глаза...

Мошка подхватила Сарацина и подняла над головой. Гусь расправил крылья и взмахнул несколько раз, пытаясь взлететь, но Мошка крепко держала его за лапы. Когда она снова прижала птицу к груди, звериная морда в кустах исчезла.

Чогцы относились к Брехуну и Лихому с суеверным страхом. Местные жители вообще были очень суеверны, они боялись даже кузнеца, якобы тот знает с нечистой силой. Кузнец, в свою очередь, боялся воющей вдовы, та боялась магистрата, а тот боялся двух жутких псов.

Но все без исключения – и Брехун с Лихим в том числе – боялись Сарацина.

В наступившей тишине Мошка расслышала отдаленный шум водопада. А еще до нее долетел слабый голос:

– Полумертвый от голода, лишенный достоинства и брошенный на волю стихий...

Самый большой булыжник во дворе магистрата назывался Позорным камнем. Был он десяти футов в высоту, а формой походил на седло. Долгие века к этому камню приковывали сварливых жен и своевольных дочерей, выставляя их на всеобщее осмеяние. Их имена были выбиты на камне вместе с описанием провинности. Например, «Подёнка Хаксфизер, изжалившая мужа змеиным языком» или «Глотка Снатчел, за беспримерное и неугомонное прекословие».

Края у Позорного камня были неровные, Мошка без особого труда взобралась наверх, откуда как на ладони увидела камень. Рядом поник головой прикованный человек.

Он был довольно упитанным, камзол с блестящими пуговицами едва не лопался на широкой груди. То, что металлические пуговицы он отполировал до блеска, выдавало городского франта. Изящный камзол выглядел грязноватым и помятым, что вполне естественно для такого положения. Рядом в грязи валялись бобровая шапка и парик.

Положение человека было жалким, но он все равно сохранял своеобразное величие. Одной рукой он закрывал лицо, другую грациозно отставил в сторону. Подбородок свисал из-под руки тяжелыми складками, а полные губы были безразлично поджаты. Человек все время вещал в нарочито театральном манере, будто собственный голос оставался ему единственным утешением.

– Даже раньше, чем пародия в трех актах увидела свет...

Человек тяжело вздохнул и провел рукой по всклокоченным волосам, после чего снова прикрыл ладонью глаза.

– И вот таков конец Эпонимия Клента, оставленного на растерзание диким гусям и прочим лесным тварям...

Внезапно человек умолк и уставился на Мошку распахнутыми глазами.

– Скажи, ты человек?

Уместный вопрос: Мошка была с ног до головы перемазана ржавчиной, сажей и лишайником, к одежде пристали голубиные перья.

Она лишь кивнула.

– Чего тебе надо?

Мошка уселась на камне поудобнее, свесив ноги, и сказала:

– Мне нужна работа.

– Боюсь, суровые обстоятельства лишили меня финансов, а заодно и благородной возможности... Ты сказала, работа?

– Да, – кивнула Мошка. – У меня есть ключи от кандалов, и я тебя освобожу, если дашь мне работу и возьмешь с собой.

– Забавно, – усмехнулся Клент. – Дитя желает покинуть это гостеприимное место.

Он обвел взглядом деревья, покрытые мхом, белесые валуны и холодные силуэты домов вдалеке.

– Я хочу увидеть мир, – сказала Мошка, решительным кивком подкрепляя слова. – И чем скорее, тем лучше.

– Ты хотя бы представляешь, каким ремеслом я промышляю?

– Да, – сказала Мошка. – Ты обманываешь за деньги.

– Ага... Вот как? Дитя мое, у тебя в корне превратное представление о мифотворчестве. Я – поэт и сказитель, я слагаю баллады и саги. Да не впадешь ты в заблуждение, подменяя искусство воображения простецким плутовством. Я – маэстро тайной словесности, игры смыслов, сладкозвучной магии слов.

«Мифотворчество, – думала Мошка, – сладкозвучная магия».

Смысл этих выражений от нее ускользал, они чудились ей полными волшебства. Она запомнила их, словно дала имена незнакомым кошкам. Слова, слова, чудесные слова. Таящие ложь.

– Я слыхала, ты наплел вдове, что ты сын герцога и женишься на ней, когда получишь титул, но сейчас тебе нужны деньги, чтобы нанять адвоката и подать прошение.

– Э-э... Она весьма... чувствительная женщина. Склонна воспринимать фигуры речи слишком буквально.

– И еще слыхала, что ты насвистел судье, будто у тебя есть снадобье от его хвори и ты можешь сейчас же послать за ним, но оно стоит больших денег. И еще ты набрехал хозяевам всех лавок, что на днях приедет твой секретарь с бумагами и деньгами и тогда ты все оплатишь.

– М-да... Хм... Ума не приложу, куда он запропастился?

– Ворам ставят клеймо на руки, так? – сказала Мошка. – Может, тебе заклеят язык? И поделом.

Повисла тишина, нарушаемая лишь журчанием воды. А потом Клент сглотнул и сказал:

– Да... В самом деле, негодный секретарь испытывает мое терпение. Настало время дать ему расчет. Так что его должность теперь вакантна. А ты... У тебя есть качества или способности, нужные для секретаря, позволь спросить?

– У меня вот что есть, – ответила Мошка, помахав связкой ключей.

– Хм... Практичный подход и прямой взгляд на вещи. Очень полезные качества. Очень хорошо, можешь освободить меня.

Мошка соскользнула с Позорного камня и забралась на столб, чтобы открыть кандалы.

– Чисто из любопытства, – сказал Клент, глядя на нее снизу вверх, – скажи, чем тебя привлекает бродячая жизнь?

У Мошки было много ответов на этот вопрос. Она мечтала о мире, где не будут звенеть стеклянные бусы и бормотать гоблины в овраге. Она мечтала о мире, где у нее будут друзья кроме гуся. О мире, где книги не плесневеют, а интерес к новым словам и мыслям не вызывает подозрений. Она грезила о мире, где ее чулки будут сухими.

Но была и другая причина, более веская. Мошка подняла голову и взглянула на горизонт, ограниченный горным хребтом. Небо мягко алело, предвещая рассвет. Который придет

в Чог через три часа.

– Очень скоро, – сказала Мошка тихо, – проснется мой дядя. И когда он проснется... Он обязательно заметит, что я сожгла его мельницу.

«Б» значит «бандитизм»

Мошка *почти* не сомневалась в том, что сожжение мельницы не входило в план по спасению Клента и побегу и произошло случайно. С мельницы она выбралась без труда, через дыру в крыше, что проделывала уже не раз. Вот стена солодовни была проблемой посерьезней. Чтобы отпугнуть Брехуна и Лихого, Мошке нужен был Сарацин, но она не перелезла бы через стену с гусем под мышкой. И тогда она решила накидать у стены побольше вязанок хвороста и забраться по ним. Наверху, вдыхая запахи летней ночи, она вдруг подумала, что неплохо бы зажечь масляную лампу.

Мошка не то чтобы сознательно решила бросить лампу со стены, но и случайно ее вроде бы не роняла. Она помнила только, как лампа, выскользнув из рук, упала на хворост и скатилась до самой земли – так мягко, что никак не могла разбиться. И еще Мошка помнила, как показался белесый дымок, хворост в том месте начал темнеть, мелькнули язычки пламени и она вдруг ощутила ликование. В тот миг она поняла, что никогда больше сюда не вернется.

Теперь Мошка с Клентом уходили из Чога, а ветер нес следом запах дыма, словно заботливый попутчик, кричащий вслед о выроненной вещи.

В четыре часа пополуночи ветер утих и перестал напоми-

нать им о сожженной мельнице. Мошке всегда нравилось гулять в этот час, переступая по кряжистым корням деревьев, утопавшим в предрассветном тумане, и слушая кваканье лягушек. Показалась дорога на Хуммель, откуда женщины носили зерно на мельницы Чога. Мошка занервничала было, но в такую рань им не встретилось ни души.

– Поправь, если я ошибаюсь, – сказал Клент, кивая на гуся, – ты не просто так присвоила сие чудо природы. Может быть, гусыня не сочтет за труд снести нам на завтрак яйцо?

Мошка подумала, что Клент, будучи изрядно дородным, шагает по неровной дороге весьма проворно.

– Это гусак, – поправила она Кленга, искренне удивляясь такой ошибке; с тем же успехом он мог назвать Сарацина кошкой.

– В самом деле? – сказал Клент и, достав из кармана перчатки, смахнул пыль с плеча. – Тогда советую поскорее свернуть ему шею. Будет весьма прискорбно, если ужин убежит у нас из-под носа. К тому же мертвую птицу легче нести и проще прятать.

Сарацин заерзал в руках Мошки и издал звук, похожий на бульканье закипающей воды. Он, конечно, не понял ни слова, но к тому, что Мошка покрепче прижала его к себе, отнесся неодобрительно.

– Сарацин – не ужин, – заметила она.

– О, в самом деле? Разреши поинтересоваться, что же он такое? Может, наш проводник через горы? Или твой за-

колдованный брат? Или нам предстоит перейти через мост, где в оплату принимают исключительно гусей? И смею напомнить, наша скромная провизия иссякнет быстрее, если в компании будет лишний клюв.

Мошка покраснела от злости. Клент осторожно покосился, задумчиво изучая ее лицо. Фигляр исчез, уступив место философу.

– Я ведь не напрасно упомянул провизию? Я просто уверен, что новый секретарь не мог допустить такую оплошность и отправиться в путь, взяв с собой из еды только несъедобного гуся. Всё настолько плохо?.. Ну что ж. Тогда следуй за мной.

С этими словами он свернул с тропинки и зашагал вверх по холму, где виднелась ярко раскрашенная часовенка, размерами не больше конуры. Под ее сводом деревянный святой сложил в молитве руки.

– Мистер Клент! – только и воскликнула Мошка, увидев, как мошенник достает из чаши для подношений горсть спелых ягод и кладет себе в карман.

– Обойдемся без истерик, девочка, – сказал тот, смахивая лист с головы святого. – Я лишь беру займы немножко провизии, которую возвращу в полном объеме, как только представится случай. Этот добрый малый...

– Добряк Построфий, – подсказала Мошка.

– Добряк Построфий... Он мой давний приятель. Приглядывает для меня за всякой мелочью.

Клент сунул пухлую руку под свод часовни и достал откуда коробку, завернутую в холст.

– Но... – начала было Мошка, да запнулась. Всё, что она может сказать, вызовет у Клента лишь смех.

«Но если мы заберем ягоды Добряка, – думала она в отчаянии, – как он сможет уберечь Чог от бродячих мертвецов? Он ведь должен брызгать соком им в глаза, чтобы они не нашли дорогу домой».

До сих пор Мошка не слышала ни об одном мертвце, который бы поднялся из могилы, вернулся в Чог и забрался в свой бывший дом. До сих пор...

– Поражаюсь твоей щепетильности, – сказал Клент, – принимая во внимание твою склонность к бандитизму. Поджог – серьезное дело. По мнению закона, немногим лучше пиратства. Что бы там на тебя ни нашло...

Стоило подумать о сгоревшей мельнице, череда образов пронеслась у Мошки перед мысленным взором. Она вспомнила лучину, обжигающую пальцы. Как ее бранили, если она подбирала свечные огарки, чтобы читать книги. Представила, как опекуны носятся по горячей мельнице, вынося мешки с мукой. Им и в голову не придет спасти племянницу.

– Это была плохая мельница, – произнесла Мошка.

– Один раз я видел, как повесили десятилетнего мальчика за то, что он поджег школу. Все его жалели, но закон есть закон. Помню, как стенала его семья, когда его везли на Веселую площадь. Когда правосудие свершилось, его тело от-

дали анатомам для опытов. Я слышал, у преступника вырезают сердце и проверяют, правда ли оно холоднее и чернее, чем у доброго человека.

Мошка невольно прижала руку к сердцу, будто сама хотела знать, не заледенело ли оно. Ей показалось, что в груди похолодело, так что стало трудно дышать. Мучит ли ее совесть? Или она прирожденная преступница, дьявольское отродье? Даже если так, представив, что ее повезут в клетке сквозь озлобленную толпу к месту казни, она ощутила острое раскаяние.

Но стоило подумать, что наказания удастся избежать, и к ней вернулось присутствие духа. Шагая за своим новоиспеченным начальником, Мошка проникалась чувством мрачного удовлетворения. «Должно быть, я насквозь испорчена», – думала она. Но правда заключалась в том, что сожаления о сгоревшей мельнице перевешивало нежелание давать Кленту сведения для доноса.

«Я больше не увижу все это, – размышляла Мошка, удаляясь от знакомых мест. – Никогда».

Путь стелился под ноги. Вскоре Мошка зайдет так далеко, как не заходила никогда. Она уже предвкушала это острое ощущение, но, к ее удивлению, знакомый лес перешел в незнакомый совершенно незаметно. Трели пробуждающихся птиц казались ей голосами преследователей.

Тропа шла неровно: она то поднималась, будто опасаясь потерять из виду верхушки холмов, то снова ныряла в низи-

ну, пугаясь прохладного ветра; иногда она словно забывала что-то и возвращалась, чтобы вскоре повернуть обратно. Наконец тропа вышла из-под деревьев к каменистому речному берегу и успокоилась. Дальше пошла нахоженная, уверенная в себе дорога.

– Стой, – сказал Клент. – Ну-ка подними лицо, благородная дама.

Он вытер ржавчину с Мошкиных щек, поправил накидку, чтобы скрыть пятна грязи, и сказал со вздохом:

– Тут я бессилён. Будем надеяться, что добрые жители Сууровой Качели не примут тебя за лесного духа, пришедшего кусать детей за нос.

– Мы идем в Сууровую Качель?

– Да. Все будут думать, что мы идем в Высокий Клин, где пересекаются главные дороги, а оттуда – в столицу или Пинкастер. Никто не догадается, что мы идем в портовый город.

– Так мы что – поплывем на лодке?

Клент ничего не ответил.

Река вывела путников из леса, и они зашагали по травянистому склону, уставленному стогами сена. Поперек склона были выдолблены широкие уступы, чтобы было удобнее обрабатывать землю. Со стороны казалось, что по холму прошлись гигантскими граблями.

Мошка замороженно смотрела на крестьян в кожаных жилетах, свободных рубахах и широкополых шляпах с пряжками. Все женщины носили простые платья из грубой ма-

терии, куда свободнее, чем одежда Мошки. На головах красовались белые чепцы, поверх них – широкие соломенные шляпы, завязанные разноцветными лентами на подбородке. Мошка же, как и все чогские девушки, носила плотно прилегающий капюшон из воценой парусины, пахший прогорклым жиром, но защищавший от воды. Ей казалось странным надевать сразу два головных убора, но, судя по тому, как ей вслед хихикали местные девушки, ее одежда тоже вызывала у них недоумение.

Еще до того, как Суровая Качель представала взору путника, на него обрушивался звук: ветер, несущийся с бешеной скоростью через ущелье, завывал как хор безумных йодлеров. К вою примешивался злобный грохот, будто обвал в горах.

Вскоре холмы расступились, и Мошка увидела, что речка, которую чогцы считали настоящей рекой, оказалась лишь малым притоком *настоящей* реки. Это был не пенный ручей, бегущий по каменистому руслу. Это был глубокий и широкий водный поток с мощным, стремительным течением. Река Слай.

На дальнем берегу реки Слай раскинулась Суровая Качель. Сады и крыши пестрели, точно карнавальный балаган. Большая часть города лежала напротив грандиозного двухъярусного моста, от которого шла главная улица, с магазинами, тавернами и прочими заведениями. Меж крылечек, балконов, окон и крыш протянулись веревочные и деревянные

лестницы. Повсюду были развешаны разноцветные ткани, полоскавшиеся на ветру, как паруса, – оранжевые, нежно-розовые, небесно-голубые, изжелта-зеленые. Мошка впервые видела настоящий город. От размаха, пестрых красок, водоворота жизни и всяких удивительных штук у нее закружилась голова.

Над рекой кружились чайки, точно чайники в чашке. Они парили над каждой лодкой и пронзительно кричали, словно требуя чего-то. Если носильщик, идущий по палубе, ронял еду, чайки мигом набрасывались на добычу. На каждой крыше красовались яркие вертушки, свистки в виде птиц и куклы с колокольчиками. Наверное, они должны были отпугивать чаек.

А сами лодки! Сурового вида баржи, глубоко осевшие под весом тюков и ящиков. Гогочущие матросы на борту плюются в реку табачной жвачкой. Рыбацкие лодки с поднятыми носами, двухвесельные ялики и баркасы напоминают громадные черепаши панцири. Некоторые украшены длинными флагами с эмблемами гильдии Лодочников.

Клент поднялся по деревянным ступеням на мост и подошел к дверям какого-то магазина.

– Заглянем сюда на минуту, – сказал он Мошке. – Здесь живет старинный друг, которого я обещал навестить при случае. В наших обстоятельствах он изрядно нам поможет. Могу я напомнить, что молчание – первое качество хорошего секретаря?

Приняв важный вид, он прошел в дверь, и Мошка последовала за ним.

Внутри магазинчик выглядел так, словно по нему прошла горгона Медуза, превращая все в камень. На столе и подоконнике были разложены каменные перья, каменные трубки и цветы. У окна были подвешены два птичьих скелета, так, чтобы их изящное строение было лучше видно на свету. Там были каменные береты и каменные сандалии, каменные шарфы, ленты и монеты – и все это было выполнено с таким мастерством, точно эти вещи оставили здесь ожившие статуи. Мошке они напомнили окаменелости в водах реки Чог.

– Вот мы и пришли, – сказал Клент. – Ах, мистрис Дженнифер Бессел!

Мистрис Бессел оказалась коренастой загорелой женщиной, излучающей доброту. Ее голые руки побелели от муки, а волосы, выглядывавшие из-под чепца, были заплетены толстым узлом. Но интереснее всего Мошке показались ее муслиновые рукавицы с обрезанными пальцами.

– Мистер Клент! – воскликнула мистрис Бессел. От широкой улыбки ямочки на щеках превратились в глубокие бороздки. – Что, мой драгоценный друг, никак тебя виселица не дождется?

– Нет, нет, – заверил ее Клент. – Ни бог, ни черт, ни человек не сможет помешать мне навестить вас, дражайшая Джен.

Джен рассмеялась в ответ. Мошке смех показался натянутым.

– А это, – сказал Клент, показывая на Мошку, – моя племянница из...

– Чога! – договорила за него Джен. – Милочка моя, какие светлые у тебя брови!

Парусиновый капюшон защищал от воды волосы, но не брови. За долгие годы брови чогцев выцветали и становились почти прозрачными, что придавало лицам удивленное выражение. Мошка не была исключением.

– А ты все так же наблюдательна, Джен, – сказал Клент, и Мошка уловила нотку недовольствия в его голосе. – Да, она жила в этой малоприятной деревне. После Чога наша одежда так вымокла, что я боюсь, как бы бедное дитя не слегло в горячке. Джен, душечка, я очень надеюсь, ты одолжишь нам одежду, чтобы мы...

– Меньше бросались в глаза местным жителям? – закончила за него мистрис Бессел.

И Мошка окончательно уверилась, что мистрис Бессел знала Эпонимия Клента давно и основательно.

Клент ничего не ответил, только смущенно опустил глаза и улыбнулся.

– Что ж, – согласилась мистрис Бессел, – взамен я возьму вашу одежду.

Повернувшись к Мошке, она сказала:

– Слушай, цветик, там, за дверью, будет лестница. Под-

нимись по ней на чердак, там увидишь кожаный сундук. В нем лежит серое платье, оно должно быть тебе впору, там же найдешь чепчики и шляпы. Но больше ничего не трогай, хорошо?

Мошка поднялась на чердак и, открыв сундук, достала новую одежду. Перекинув платье через руку, она осторожно спустилась по лестнице и стала переодеваться у двери, чтобы слышать, о чем говорят Клент и хозяйка.

– Не слишком ли молода для тебя? – поинтересовалась мистрис Бессел.

– Ох... Печальная история, на самом деле. Я подобрал ее на задворках, чуть живую от голода. Все же у меня не каменное сердце... Ай!

Мистрис Бессел проворно схватила Клента за нос щипцами для сахара.

– Вот что, Эпонимий. Когда я захочу послушать твоих баек, я тебе так и скажу. И даже дам монетку за такое удовольствие. А сейчас лучше скажи, есть ли у тебя новые воры на продажу?

От этих слов у Мошки пересохло во рту. Неужели Клент собирался продать ее как рабыню?

– Ну конечно, Джен. Четверо. Удильщик, нырятьщик и два рыцаря дороги.

Мошка в свое время прочла несколько дешевых повестей для народа и знала, что удильщиками называли воров, которые, спрятавшись на крыше дома, ловили удочками покла-

жу с проезжающих мимо повозок. Ныряльщиками окрестили воров-карманников. А рыцарями дороги – разбойников, грабивших экипажи.

Через щель в двери Мошка увидела, что Клент передал мистрис Бессел несколько листов с текстом, отпечатанным крупным шрифтом. На каждом листе красовалась красная восковая печать гильдии Книжников. Мистрис Бессел слишком углубилась в чтение, проговаривая слова вполголоса, и не заметила край конверта, торчащий из сумки Клента. Да и осторожный Клент быстро запрятал его поглубже.

– Мм, – протянула мистрис Бессел мечтательно, – люблю следить, что происходит в нашем деле, даже спустя столько лет...

– Вот эта штучка должна тебе особенно понравиться, Джен, – сказал Клент, взяв один лист, и стал читать вслух: – «Отчет о хитроумных преступлениях банды Розмари Пеппетт, известной также под именем леди Ладошка». И дальше: «Со времен печально известной леди Скользящий Пальчик нам не доводилось видеть подобного мастерства, и отваги, и столь умелого владения женскими чарами, что жертвы ощущают себя редкими счастливцами...»

Мистрис Бессел издала печальный смешок.

– Пух и перья! – воскликнула она. – Воистину женские чары... Я никогда не применяла своих чар как мистрис Скользящий Пальчик. А могла бы...

– О да, – сказал Клент добродушно. – Ты могла бы, Джен.

Улыбка мистрис Бессел чуть поблекла, и она задумчиво огладила свои рукавицы. Затем вздохнула, словно прогоняя воспоминания, и взглянула на Клента с наигранной улыбкой.

– Ладно, что тебя задержало?

– Боюсь, я так полюбился жителям Чога, что они никак не хотели расставаться со мной. Да-да, и, когда я уже собирался раскланяться, они... заковали меня в кандалы.

– Ах, ты в своем репертуаре... И что же ты успел слямзить, прежде чем попался?

– Я не попался, – заявил Клент с обиженным видом. – Полагаю, я пал жертвой предательства. Прошлой ночью в магистрат приехал некий человек и говорил с судьей. И еще... может, ты скажешь, я старею и становлюсь мнительным, но с тех пор, как я покинул столицу, меня преследует чувство, что надо мной нависла тень.

– У виселицы длинная тень, – произнесла мистрис Бессел, – и порой она закрывает солнце. Однажды я устала чувствовать эту тень у себя на шее и сделалась добропорядочной женщиной. И еще поэтому.

Она подняла ладони, показав их Кленту тыльной стороной. Под тонкой тканью рукавиц Мошка разглядела клеймо в виде буквы «В» – за воровство.

– Это не страх виселицы, – сказал Клент. – Моя тень из плоти и крови и ходит на двух ногах. Джен... Я не могу задерживаться. Скоро чогский сброд пронюхает, где я.

– Эпонимий, – сказала мистрис Бессел строго, – что за

дьявольскую кашу ты заварил? Когда-то мы были напарниками, а теперь ты скрываешь от меня, на кого работаешь последние два года. Что за тайны?

Повисла тишина. Клент молча гонял пальцем блокнот по столу. Наконец Джен тяжело вздохнула и сказала:

– Твоей девочки что-то долго нет. У нее длинные пальцы, я это заметила. Если в доме что-то пропадет, ты поплывешь отсюда по реке. Без лодки.

Мошка решила, что сейчас самое время вернуться, и вошла в комнату с невинным видом.

Мистрис Бессел повернулась к ней с мягкой улыбкой.

– Ну-у, – протянула она одобритительно, – так гораздо лучше, цветик.

– Мошка, – сказал Клент, – нам понадобится кое-что с западного берега.

Брошенный кошелек Мошка поймала перед самым лицом.

– Возьми буханку хлеба, – продолжал Клент, – немного сыра и... пару яблок, если хватит денег. Да, гуся с собой не бери, пока мы не придумали, как его замаскировать.

Мошка против воли оставила Сарацина и отправилась на главную улицу Суровой Качели. Она понимала, что Клент мечтает избавиться от нее, но вряд ли он стал бы на прощание дарить ей кошелек.

На другом берегу Мошка увидела синий купол церкви, и ей стало не по себе, словно на сердце упала тень. Девочка

машинально остановилась, и сзади по ноге больно ударила телега.

Мошка нетвердым шагом побрела к церкви. Если ее все-таки повесят за поджог, ей не помешает исповедаться.

Раньше она бывала только в церкви хуммельского прихода, похожей на амбар, в котором притаилось несколько гробниц. Церковь Суровой Качели показалась ей настоящим собором, хотя на жителя большого города она не произвела бы впечатления.

Крышу церкви украшал затейливый орнамент, похожий на резьбу по слоновой кости, – это поработали чайки, загадившие церковь за прошедшие века. Резные дубовые двери треугольной формы были выше дверного проема примерно на фут и до конца не закрывались. В оставшуюся щель протискивались прихожане. Мошка не могла знать, что эти двери попали сюда во время гражданской войны из другой церкви, разрушенной при мятеже.

Проскользнув внутрь, Мошка очутилась в прохладном полумраке и увидела Почтенных покровителей. Повсюду были гравюры с изображением святых, строгих и похожих друг на друга, точно карточные короли. Фрески с Почтенными поднимались под самый потолок с темными стропилами. На кафедре и алтаре стояли деревянные статуи Почтенных. С верхушек колонн на Мошку взирали каменные изваяния Почтенных. Соломенный Добряк терпел мучения от крыс, рвущих его на части, а в углу тихо покрывалась плесенью Доб-

рячка с телом из турнепса и головой-картошкой.

Мошка озиралась вокруг, не зная, какому святому отдать предпочтение. В вышине, на стропиле, она увидела Добряка Построфия, но он как будто был занят разговором с госпожой Гранулой, защитницей домашнего скота, и Мошка не решилась вмешаться. К тому же Построфий напомнил ей дядю Запада. А госпожа Гранула, хоть и была полнее тети Брионии, обладала таким же пристальным и недобрым взглядом.

«Я тебе говорила, – прозвучал в ушах у Мошки воображаемый голос тети Брионии, – всегда говорила, от этой девчонки добра не жди. Пригрел змею... Хотя чему удивляться при таком-то отце? Книги ее испортили. Никогда еще не встречала такой всезнайки».

Слово «всезнайка» прозвучало с особенным пренебрежением, точно отборное ругательство. Мошка до боли сжала кулаки.

Она осмотрелась, пытаясь найти лицо, похожее на Квиллама Мая, но такого не было – ни один святой не носил очков и не сидел над книгой. Все равно ему бы не понравилась такая компания, решила Мошка, – Почтенные столпились, как муравьи в муравейнике, и знай себе бубнят о еде для людей и кормах для животных, о том, когда собирать урожай, что делать со свечными огарками и как чистить курятник.

Мухобойщик? Ага, вот и он, вырезан на ставне. Мушиный святой растягивал рот в зловещей ухмылке, а в огромных прорезях на месте глаз поблескивало небо.

«Такие дела, – произнес он гнусавым голосом, каким Мошка всегда наделяла своего покровителя. – Этот мистер Клент сцапал тебя с потрохами, раз теперь он знает про мельницу. Ты должна накопать что-нибудь на него. Что-нибудь грязное. Какие такие бумаги он спрятал от мистрис Бессел, а? Поди, это их он достал из часовни? Очень за них беспокоится, а? Небось, не письма, а печатный текст. Но бьюсь об заклад, без печати Книжников. Ему хватит на галстук с мылом».

Народ боялся самих книг, но Книжников – гораздо больше. Вначале, когда они были обычной гильдией печатников и переплетчиков, никто не обращал на них особого внимания, но времена изменились. Мастера печатного слова получили право одобрить любую книгу или объявить ее вместилищем зла и обречь на сожжение. Закон позволял Книжникам безжалостно расправляться с любым, кто посягал на их авторитет, печатая книги без их одобрения. Люди их боялись.

В Чоге говорили, что Книжники читают в специальных очках, защищающих глаза от зла, и решают, полезна книга или вредна. Еще говорили, что, поймав человека с книгой без печати, они топят бедолагу в бочке чернил. Единственным, кто никогда не говорил о Книжниках, был Квиллам Май, хотя раньше, еще в Манделионе, сам был Книжником.

В Чоге поговаривали, что Книжники изгнали Мая. На следующий день после его смерти напуганные горожане ворва-

лись в дом, выгребли все книги и рукописи и устроили из них костер. Прошел слухок, что буквы в пламени бегали по страницам, спасаясь от жара, точно бешеные пауки.

Воспоминания о том кошмаре наполнили Мошку горечью. Большинство книг отца она так и не прочла. Он обещал разрешить их читать, когда ей исполнится десять, а то ее мозг «расплавится, как воск, от всех этих премудростей». Книги отца должны были стать ее наследством. А вышло так, что в наследство ей достались только странное имя, умение читать и неутолимая жажда новых слов.

И все же, несмотря на страх, люди мирились с Книжниками как с неизбежным злом.

«Новое-то зло еще ничего, – рассуждали люди, – вот раньше было совсем плохо...»

Раньше было совсем плохо... Мошка запрокинула голову, придерживая рукой чепец, и всмотрелась в небо через проем в форме сердца.

С этого сердца начались десять кровавых лет, самых кровавых за всю историю.

Старики рассказывали, что в прежние времена было много всяких религий – у каждого Почтенного своя. Но однажды, как гласит легенда, на иконах всех Почтенных проступило и трижды ударило сияющее сердце. С того дня все малые религии слились в одну, люди стали верить в неведомого, безликого духа, объединившего Почтенных, и назвали его Явлением.

С тех пор каждая церковь строится с особым окном под потолком, в этом окне сделана клетка в форме сердца, в ней сидят дикие птицы и хлопаньем крыльев вселяют в Сердце жизнь, напоминая людям о Явлении. Священники, ежедневно ловящие птиц, получили прозвище Птицеловов. Постепенно они сделались хранителями священных текстов и посвятили жизнь проникновению в тайную суть Явления.

Трудно сказать, когда и почему свет этого учения помутил разум священников. Поначалу их безумие выглядело так возвышенно, что никто его не замечал. Но вскоре священники по-новому стали излагать верования. Они говорили, что истинные свидетели сияющего Сердца знают: ему суждено расцвести и поглотить в священном пламени иконы всех Почтенных, чтобы не осталось никаких идолов, кроме Сердца Явления. Со временем, говорили они, всё сущее должно вернуться в Сердце и сделаться частью его извечного света. Посему высшее назначение любой мирской вещи – сгореть в огне. А высшая цель всякого человека – уподобиться огню.

Сбоку нефа, за узкой зарешеченной аркой, виднелась винтовая лестница, уходящая во тьму. Мошка подумала, что эти ступени ведут в библиотеку Птицеловов.

Кроме Книжников только Птицеловы имели право печатать книги. После того как их свергли, легенды об их удивительных книгах стали пересказывать шепотом. Говорили, что строки в этих книгах закручиваются в спираль, как водоворот, засасывают разум читателя и никогда не отпуска-

ют его. Что есть там заклинания на неведомых языках, они открывают в человеческом разуме тайные двери и вызывают помешательство. А слова и фразы, из которых сложены эти заклинания, отличаются столь изысканной красотой, что сердце прочитавшего разбивается, как яичная скорлупа.

Птицеловы пришли к власти незаметно. В пылу тридцатилетней гражданской войны, под шаткой властью Парламента, никто не замечал, что большинство влиятельных граждан учится в школах Птицеловов, читает их книги, оказывается во власти их чар. Когда старое королевство начало биться в предсмертной агонии, Птицеловы выступили вперед. Они пришли как целители и обещали спасение. Мошка видела, как на глазах стариков выступают слезы, когда те рассказывают о временах власти Птицеловов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.